

В ПОМОЩЬ АКТЕРАМ ПРЕМЬЕРЫ «ПЕРЕД ЗАХОДОМ СОЛНЦА»

«Перед восходом и заходом солнца»

Новая пьеса Гауптмана «Перед заходом солнца» прекрасна в литературном и сценическом отношении. Она имела огромный успех.

В Берлине — Краусс, в Вене — Янигс имели годовокружительный успех в продаваемой и новой по всей своей концепции роли Маттиаса Клаузена.

Уже всего этого достаточно, чтобы сделать пьесу интересной для русской публики.

Дело идет о 70-летнем тайном коммерции советнике, т. е. крупнейшем капитале, который рисуется как человек высокой и тонкой культуры, развитого духа и создатель своего большого дела.

В 70 лет (как это было с Гете) Клаузен горячо влюбляется в молодую деву-

Из статьи
А. В. Луначарского

минутой не сомневаются, что он выиграет процесс. Но по дикому буржуазному закону — в случае, если наследники взыщут подобный иск главе фирмы, старому человеку, то он временно, на срок судебного разбирательства, лишается всех своих прав, и ему дается что-то вроде попечителя, каковым в данном случае должен явиться вероломный Гансфельд.

Закон действительно дикий. Было бы, однако, крайне странно, если бы Гауптман

себе отнюдь не отрицательное явление в глазах Гауптмана.

Но дело в том, что Клаузен — творческая личность. Это — создатель большого дела. Мало того, это — человек с поэтическим и философским мироощущением. Это — благородная, богатая натура. Это — прежде всего человек чрезвычайно разнообразной и блестящей культуры.

И кто же губит его? Кто оплевывает его старческую, но живую и горячую страсть? Кто осмелевает обьявить его слабоумным? Кто затравливает его до смерти, унижая его достоинство, доводя до брания, этого нового короля Лира? Его дети.

Что же? Имеем мы здесь дело с повторением Лира? Говорится ли здесь только о неблагодарности детей? Конечно, нет.

Для поколения представлений здесь: одно — творческой, почти можно сказать, великой личности, а другое — жалкими, бездарными, жадными буржуями. Вот теми самыми буржуями и буржуйками, которые составляют класс, правящий классом современного общества.

Мы видели в свое время, как точный культурник Анатолий Франс рванулся на старости к социализму, даже к коммунизму, потому что он чувствовал, что господствующий класс грубеет, глумится и что в его руках человеческая культура идет к гибели. Мы видели, как культурнейший человек Великобритании Бернард Шоу заявил, что, если бы надежды на странный бессмертный Леппинг и его последователи новый мир обманул его, то он закрыл бы глаза с отчаянием от восстания будущего люда.

Гауптман, как мы сказали, человек внешне и внутренне осторожный. Вряд ли мы когда-нибудь от него дождемся, чтобы он пролил старый буржуазный мир и приветствовал новый, пролетарский, бесклассовый, истинно человеческий.

Но когда старый буржуа высокой культуры, о котором можно сказать «это — человек», затравлен, своими выродками, типичными представителями современных капиталистов, жетется на смертном ложе, приняв яд, и когда эта пьеса, написанная с огромной страстью, такая волнующая, носит зловещее название — «Перед заходом солнца», тогда мы должны подумать о ее внутренней музыке, как мы сказали: прислушаться к биению сердца. Это сердце скажет нам: «наступают холодные сумерки, солнце прачется за горизонтом, света все меньше, еще недавно среди «господ» были настоящие люди, но руководящий класс вырождается, мелкие торговцы бездарности берут власть в свои руки, закон потворствует им. На этом примере вы видите, что все идет под гору, к пропасти: наступает ночь. Мне, старому прославленному поэту, иной раз хочется махнуть рукой на этот остывающий мир, и во мне самом, как мотом сверстание и герою Клаузена, подымается тоскливая жажда уничтожения».

Вот внутренний аккорд новой пьесы Гауптмана. Он скорбен. Мы предпочли бы радостные бодрые звуки, ибо мы люди нового утра.

«Перед заходом солнца» Гауптмана. 1 акт. Проф. Гайгер — Н. М. Бубнов, Маттиас Клаузен — О. Ф. Глазунов.

ку, северянку Инке Петерс в свою очередь вызывает горячее чувство в молодом, прямом, смелом сердце девушки, которая любит в нем его нежность, его талант, отнюдь не его деньги.

Обстоятельства развертываются счастливые, чем у 70-летнего Гете, которому осторожная мать отказала в руке молодой девушки, возбуждавшей его позднюю страсть.

Здесь мы не видим препятствий.

Сущность драмы, однако, заключается в том, что наследники Маттиаса Клаузена, из которых иные его обожают и перед ним преклоняются, не хотят и мысленно допустить об этом «сужасном браке». Рукописные взятки капиталиста Эрихом Кларротом, грубым, пошлым, жадным и властолюбивым буржуа, и подстрекаемые хитрым и бессовестным при внешней корректности юристом Гансфельдом (всеми своими успехами, между прочим, обязанным старцу), они возбуждают иск о взыскании Клаузена под опеку.

Так как Клаузен человек большой воли и светлого ума, то друзья его ни на

писался желую, большую и страстную любовь только для того, чтобы заплотить богатых стариков от непенного запаса, созданного их же классом.

Но странно было бы, если бы мы приняли слепком всерьез и весь внешний сюжет пьесы. Иные заговорили, будто бы в жизни самого Гауптмана происходило подобное обстоятельство. Однако это чрезвычайно мало вероятно. Скорее на тему павел его случаи с одним издателем-миллионером, который на старости лет женился на молодой женщине и действительно был, можно сказать, судьбою скован воспротивившимися этому наследникам, целиком обязанными своим достоянием главе фирмы.

Нет, не в этом основной пафос пьесы Гауптмана.

Вот тот рисунок, который вздут начпает просвечивать для внимательного и симпатизирующего глаза, когда вы откладываете внешнюю и начпаете искать сущность его.

Что за мир рисуется перед нами Гауптман? Все его симпатии на стороне старика Клаузена. Характерным образом он совсем не спрашивает, как нажито его огромное состояние.

Буржуазный капиталист — это само по